

HISTORY OF THE EAST Universal History ИСТОРИЯ ВОСТОКА Всеобщая история

Научная статья

УДК 910.4

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-2-208-224>

Исторические науки

Роль паломнических миссий в джунгаро-цинских отношениях в Тибете и Кукуноре

Дорджи Геннадьевич Кукеев

*Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова. Элиста, Россия,
kukeevd@list.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5072-6094>*

Аннотация. Данная тема интересна с точки зрения изучения взаимодействия кочевого государства с оседло-земледельческой империей после продолжительных лет военного противостояния, посредством применения религиозных механизмов в отдельных регионах, которые в недавнем прошлом являлись предметом спора. В статье представлены этапы формирования и существования феномена паломнических миссий ойратскими кочевниками в Тибет и Кукунор, и его влияние на политико-экономическую сферу жизнедеятельности региона. Автором показан примерный состав участников и маршрут следования миссий. В статье показано, как виделся этот феномен джунгарам и цинским властям и из каких компонентов он состоял. Удовлетворение духовных потребностей паломнических групп, активная торговая деятельность и были неотъемлемыми спутниками джунгарских паломнических миссий *манча* в цинский Тибет и Кукунор, что также стимулировало цинские власти с энтузиазмом реагировать на эти мероприятия и развивать соответствующие институты у себя. Во время деятельности джунгарских паломнических миссий цинские власти стали обустривать так называемые *каруны* на Кукуноре, являющиеся сетью небольших оседлых гарнизонов-пикетов, солдаты которых обязаны были осуществлять патрулирование районов вблизи прохождения паломнических миссий. Для сбора информации о связях джунгар с удаленными от Цин народами цинские власти стали активно развивать систему сбора данных о джунгарах как через участников паломничества, так и через отдаленный Ладакх. С окончательной победой над кочевым государством в середине XVIII в., империя Цин навсегда преврала практику такого рода межгосударственных контактов.

Ключевые слова: Джунгарское ханство, Тибет, Кукунор, паломнические миссии, Цин

Благодарности: Данная статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№ 075-03-2022-119/1 «Буддизм и глобальные вызовы современного мира»).

Для цитирования: Кукеев Д. Г. Роль паломнических миссий в джунгаро-цинских отношениях в Тибете и Кукуноре. *Ориенталистика*. 2023;6(2):208–224. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-2-208-224>.

Original article
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-2-208-224>

History studies

The Role of Pilgrimage Missions in Zunghar-Qing Relations in Tibet and Kokunor

Dordzhi G. Kukeev

Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov. Elista, Russia kukeevd@list.ru;
<https://orcid.org/0000-0001-5072-6094>

Abstract. The article is interested from the point of view of the research at the interaction between the nomadic state and a settled agricultural empire after the long years of military confrontation, with the use of religious mechanisms in the regions, which in the recent past had been the subject of a dispute. The article presents the stages of the formation and existence of the phenomenon of pilgrimage missions “Mangja” by Oirat nomads to Tibet and Kokunor, and its impact on the political and economic sphere of the region. The author shows the approximate composition of the participants and the route of these missions. Satisfying the spiritual needs of pilgrimage groups, a trading activities and the collection of information were integral companions of the Zunghar “Mangja” missions to Qing Tibet and Kokunor, which also stimulated the Qing authorities to respond enthusiastically to these events and develop relevant institutions in this domains. The article shows how this phenomenon was seen by the Zunghars and by the Qing authorities and what components it consisted of. With the final victory over the nomadic state in the middle of the 18th century, the Qing Empire interrupted the practice of this kind in international contact.

Keywords: Zunghar Khanate, Tibet, Kokunor, pilgrimage missions, Qing

Acknowledgements: This article was prepared with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (No. 075-03-2022-119/1 “Buddhism and global challenges of the modern world”).

For citation: Kukeev D. G. The Role of Pilgrimage Missions in Zunghar-Qing Relations in Tibet and Kokunor. *Orientalistica*. 2023;6(2):208–224. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-2-208-224> (in Russian).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Вступление

Ойратские ханства имели тесные отношения с Тибетом с первой половины XVII в., когда в них в качестве государственной религии был официально провозглашен тибетский буддизм. Взаимосвязь с Тибетом выражалась у представителей власти кочевых ойратов в обязательном выполнении религиозных буддистских ритуалов, связанных с жизненными циклами или процессом политической легитимации — при совершении заупокойной службы по усопшему из числа ойратской знати или для подтверждения Далай-ламой статуса светского ойратского правителя.

Взаимоотношения между ойратами и Тибетом также нередко выражались в комплексе действий, включающих отправку паломнических миссий, известных по цинским источникам под тибетским названием *манча*¹. Независимые от Цин ойратские источники передавали это действие словосочетанием *зэд* (*zed*) и *манза* (*mangza*) [Раднабхадра, 1999, с. 25, 34, 69, 75; Норбо, 1999, с. 67, 91, 92], так же назывались пожертвования, вносимые при посещении ойратскими паломниками тибетских монастырей. Термин *зэд* означал непосредственно подношения какими-то материальными предметами, а термином *манза* назывался ритуал подношения чая монахам со стороны верующих, сопровождавшийся совместным чаепитием [Раднабхадра, 1999, с. 69; Норбо, 1999, с. 67]. Маньчжурские власти стали использовать словосочетание *манча* только для обозначения джунгарских паломнических миссий, сопровождаемых торговлей по пути следования и сбором религиозных пожертвований с последующей передачей их монастырям. Именно в таком — более широком — смысле следует понимать термин *манча* в настоящем исследовании.

Участниками этого действия являлись, с одной стороны, ойраты-паломники, а с другой — группы лам в монастырях, церемония завершалась обменом приношениями между обеими сторонами. Вместе с пожертвованиями, включавшими серебряные *ляны*, шелк и так называемые *хадаки*², паломники передавали ламам письма от ойратских правителей, а со стороны религиозных деятелей паломникам даровались сутры, ритуальные предметы и также вручались письма к светским правителям. О некоторых особенностях мероприятий *манча* с ритуальной точки зрения писал Г. Ц. Цыбиков [Цыбиков, 1991, с. 115], но, в отличие от той процедуры, свидетелем которой он был в начале XX в., подношения паломников в XVII–XVIII вв. были более внушительными, и для этого ойратам требовалось заранее, перед посещением монастырей, обменивать привезенные с собой товары на серебро [Раднабхадра, 1999, с. 61; Норбо, 1999, с. 52; Цундай Цзюньцзичу..., 2010, с. 5].

¹ На государственных языках империи Цин этот феномен именовался следующим образом: на маньчжурском — *manja fuifumbi*, на монгольский передавался как *mangja sipaqi*, а на китайском звучал как *аоча* 熬茶 или *цзяньча* 煎茶 (см.: [Да-ли-чжа-бу, 2015, с. 381]).

² *Хадак* — длинный узкий платок, даримый в Монголии и Тибете в знак почтения, пожелания счастья и мира. Этот предмет обладает сакральным смыслом в буддийской философии.

Сведения об объемах меновой торговли ойратских паломнических миссий на этих рынках в доцинский период не отличаются детальностью, и сегодня можно судить об этой торговле по данным уже цинских источников, которые фиксировали информацию об обменной продукции с 40-х гг. XVIII в. До установления цинской власти в Тибете и Кукуноре и в первые десятилетия цинского правления паломнические миссии *манча* отличались высоким положением участвовавших в них лиц, щедростью подношений и в большей степени не столько религиозным, сколько экономико-политическим характером самих мероприятий. Паломники приходили как из Центральной Азии, так и с отдаленных берегов Волги — от калмыцких правителей, например посольства в Тибет во главе с Шукур-Дайчином в 1642 и 1645 гг., Арабджуром в 1698 г. [Bormanshinov, 1998, p. 4–5] и Цэрен-Дондрубом в 1732 г. [У-юнь-би-ли-гэ, 2015].

После включения территории Кукунора в состав Цин в 1723 г. интенсивность таких контактов не снижалась, что стимулировало маньчжурскую империю проявлять и далее недюжинный интерес к Тибету, Кукунору и Джунгарии. Причины этого кроются в том, что маньчжуры опасались возникновения ойрато-тибетской политической конструкции, способной бросить вызов империи Цин³. В таких условиях паломническая миссия *манча* играла значимую роль в джунгаро-цинско-тибетских отношениях, при этом особое место занимал регион Кукунор, находящийся на пересечении сфер влияния ойратов, маньчжуров, монголов и Лхасы.

Регион Кукунора и Тибета в XVII–XVIII вв. играл важную геополитическую роль, привлекая независимые кочевые монголоязычные группы и подогревая интерес могущественных держав⁴. Представляется интересным провести прямую параллель между реализацией паломнических миссий монголоязычными народами и установлением власти этих номадов в регионе. Паломнические миссии стали проводиться монголоязычными буддистами еще со времен восточномонгольского проникновения на Кукунор и в Тибет в XVI в.

Манча и периодизация этого феномена в истории ойратов

Поскольку ойраты являлись частью монголоязычного мира, то в определенном смысле к ним применима та же периодизация, которая использова-

³ И. Я. Златкин высказал мнение о стремлении Галдана к образованию объединенного государства, состоящего из Тибета и монголоязычных народов [Златкин, 1983, с. 209]. Ди Космо, учитывая этот момент при изучении истории Цин, отмечает, что именно данный мотив служил причиной экспансии маньчжурской Цин в северном и западном направлениях от собственно внутреннего Китая до границ России [Di Cosmo, 1998, p. 290]. Данная точка зрения о существовании тибето-ойратской политической конструкции с попыткой раскрыть ее идеологическую составляющую активно поддерживается многими современными исследователями (см., например: [Wang, 2021]).

⁴ Кукунором в XVII–XVIII вв., помимо маньчжурской Цин и ойратской Джунгарии, интересовалась и Россия. Например, арест сибирского губернатора Гагарина перечеркнул возможность реализации намеченного в 1716 г. поиска золота русскими отрядами в районе озера Кукунор [Бородаев, Контев, 2015, с. 271].

лась по отношению ко всем монголам, в частности в этом случае выглядит уместной периодизация, разработанная проф. Да-ли-чжа-бу [Да-ли-чжа-бу, 2015]. Считается, что первыми стали осуществлять паломнические миссии в Тибет южные монголы правого крыла (представители туметов, харачин и ордосцев), этот период длился с 1578 по 1632 г. Начало проведения мероприятий, известных как паломнические миссии в монастыри Тибета — *манча*, связывают с именем Алтан-хана — после встречи с Далай-ламой в 1578 г. и получением от него титула Чакравартин он отправил паломническую миссию в три тибетских монастыря — Гандэн, Дрепунг и Сэра [Да-ли-чжа-бу, 2015, с. 384].

Следующий период, связанный с деятельностью хошутов, длился с 1637 по 1723 г. В 30-х гг. XVIII в. хошуты во главе с Гуши-ханом, установив контакт с представителями буддистского течения Гелуг, выступили его защитниками в противоборстве с другими религиозными течениями в Тибете. Течение Кагью официально поддерживалось тибетской династией Цангпа (1565–1642), которая притесняла течение Гелуг с 1618 г. В 1634 г., когда политическая ситуация для школы Гелуг стала невыносимой, Далай-лама V (1617–1682) и Панчен-лама IV (1570–1662) тайно пригласили Гуши-хана (1582–1654) для оказания им военной поддержки. Это приглашение дало хошутам повод войти в Кукунор и Тибет. В 1636 г. Гуши-хан тайно приехал в Лхасу, где встретился с Далай-ламой и Панчен-ламой. Заключив соглашение с лидерами Гелуг, Гуши-хан инициировал серию военных действий в Кукуноре и Тибете. В результате он разбил коалицию сторонников Кагью, состоящую из Цогту-тайджи (1581–1637) на Кукуноре, Бери Доньо Дордже (?–1641) в Каме и Карма Тенкьонг Вангпо (1606–1642) [Kung, 2018, p. 137]. Гуши-хан завоевал Кукунор и Тибет и в 1642 г. и установил в этом регионе власть хошутского хана. Гуши-хан со своими чиновниками и войсками базировался в Тибете, но в Лхасе они жили только зимой, а лето проводили в Дам, к северу от Лхасы, к югу от озера Тенгри-нур. В это время 8 из 10 сыновей Гуши-хана оставались в районе Кукунора вместе со своими подданными, потомки которых проживают там и сегодня. Другая часть хошутов под руководством Очирту-тайджи, племянника Гуши-хана, осталась в районе Джунгарии и стали известны как «Малые хошуты». Во время войн Галдана Бошогту-хана в конце XVII в. большинство «Малых хошутов» переселилось в западную часть Внутренней Монголии, где под руководством Хоролая, внука Гуши-хана, они заняли область Алашань. Сегодня их потомки известны как алашаньские хошуты [Oyunbilig, 2002, p. 182].

Третий период можно хронологически определить с 1723 по 1912 г., когда Кукунор был под контролем династии Цин [Да-ли-чжа-бу, 2015, с. 383–384]. 20-е и 30-е гг. XVIII в. характеризовались временным затишьем в паломнических мероприятиях *манча*, поскольку, инкорпорировав Кукунор, цинские власти опасались какого-либо присутствия независимых от них ойратских групп в регионе, прежде всего джунгар. Новый джунгарский правитель Галдан-Цэрен (1727–1745) отправил в 1727 г. своего посла Тэлэя к цинскому императору с просьбой осуществить *манча* в связи с заупокойной службой по своему отцу и прежнему правителю Цэван-Рабдану (1697–1727). Джунгарский посол полу-

чил высокомерный отказ от цинского императора в проведении *манча*⁵. Однако в 40-е гг. XVIII в. паломнические действия *манча* стали особенно интенсивно проводиться джунгарами на этих территориях. Спустя десятилетия, уже после уничтожения Джунгарского ханства, *манча* стали удовлетворять нужды только небольших групп паломников, перестав быть мероприятиями государственной важности.

Реализация власти над этим регионом стимулировала осуществление контроля над ритуалами и, наоборот, являлась причиной угасания торговой деятельности между разными народами. С момента инкорпорации Кукунора в состав Цин, согласно цинским постановлениям, местное кочевое население, этнически состоявшее из хошутов, халха и тибетцев, должно было быть формально разделено на три группы. Представители каждой группы могли приезжать в столицу в составе имеющей специальное разрешение торговой миссии попеременно — один раз в три года. Два раза в год была позволена регулярная торговля на пограничных рынках. Цинские войска должны были проводить инспекции рынков с тем, чтобы никто не пересекал границу без разрешения официальных цинских властей. Считается, что эти цинские прецеденты на Кукуноре установили образец для других международных соглашений. Например, существует мнение, что подобные торговые правила проявились при договоре с русскими властями в 1727 г., когда пограничная торговля была ограничена городом Кяхта, а «даннические миссии» в столицу Цин были позволены только с официального разрешения [Perdue, 2005, p. 312–313].

Что касается духовно-религиозного потенциала региона Кукунор того времени, то там находились крупнейшие монастыри: Кумбум, Лавран и Кирти, чье влияние было связано с политическим влиянием хошутов после их переселения из Или⁶ в 30-х гг. XVII в. До этого влиятельными монастырями считались расположенные в восточной части Амдо (в современной пров. Ганьсу) монастыри Чодэ и Чонэ, которые после 1660-х гг. стали утрачивать свой статус [Kung, 2018, p. 111]. Тем не менее, при Цин религиозное влияние Кукунора стало ослабевать, поскольку после 1723 г. цинские власти стали серьезно ограничивать влияние буддистских монастырей. При власти хошуты эти монастыри являлись внушительными учреждениями, известными во всем Кукуноро-Тибетском регионе, каждый из них мог вместить до трех тысяч монахов и представлял собой комплекс из множества зданий. Однако, по мнению цинских властей, буддистские монастыри теперь должны были ограни-

⁵ Цзюань 64 «Цин Шицзун Сяньхуанди шилу» (Правдивые записи [о правлении] цинского [императора с храмовым именем] Ши-цзун Сяньхуанди [цинский император, известный под девизом правления (нянь хао), Юнчжэн雍正 (1723–1735), его личное имя — Инь Чжэнь胤禛] 清世宗憲皇帝 сообщает следующее: 準噶爾乃西北隅一小部落耶, 釋教之廣行與否, 豈管爾之煎茶設供耶? — «Джунгары являются маленьким племенем на северо-западной окраине, широкий путь учения Шакья[муни]с [ними] невозможен, разве [можно] разрешить осуществление и приношение твоего *манча*?» [Цин шилу Чжуньгаэр..., 1987, с. 240].

⁶ Или — регион в Центральной Азии, являвшийся политическим центром Джунгарского ханства (ныне – территория в пределах двух стран, КНР и Казахстана).

чиваться 300 монахами, каждый из которых обязан был зарегистрироваться у местных чиновников [Perdue, 2005, p. 312].

Впоследствии, после окончательной инкорпорации Тибета и Джунгарии в состав Цин, совокупность различных обстоятельств превратила этот регион Кукунора в отдаленную периферию империи Цин, которой он остается и в наши дни.

Джунгары и другие ойратские правители, ламы от Тибета до Кукунора, от Монголии до Ладакха, китайские купцы и среднеазиатские торговцы оказались втянутыми в череду неопределенных торговых и дипломатических переговоров, посвященных паломническим миссиям *манча*, в то время как вооруженные силы «последней кочевой империи»⁷ и «последней из двадцати четырех официальных династий» в Китае сдерживались ее правителями.

В этом контексте надо обратить особое внимание на наиболее задокументированный период в истории феномена *манча* — эпохе цинской власти на Кукуноре и расцвета Джунгарского ханства (1734–1750), выяснив, что же он принес ее участникам.

Значение паломнических миссий *манча* для представителей Джунгарии

Неудачная попытка легитимизироваться в среде чингисидов XV века привела спустя два столетия ойратов-нечингисидов к решению узаконить свою власть по религиозному принципу [Дробышев, 2014, с. 22]. Регион Кукунора и Тибета в XVII–XVIII вв. был тем географическим ареалом, из которого исходила легитимация власти у джунгаров, калмыков и хошутов. Именно там ойраты приобретали легитимность своей власти посредством получения титулов «хан» и «хунтайджи»: хошутские Гуши, Очирту, джунгарский Галдан, калмыцкий Аюка получили титул «хана» от Далай-ламы, джунгарский Баатур-хунтайджи принял титул «хунтайджи» от Гуши-хана, а все последующие джунгарские правители XVIII в. уже принимали свои титулы от Далай-ламы [Miyawaki, 1997]. Паломнические миссии *манча* были одной из важных составляющих процесса этой легитимации.

Паломнические мероприятия *манча* для джунгаров на Кукуноре и в Тибете несли также и функцию крупномасштабной торговли по маршруту следования на дальние расстояния. Согласно маньчжурским документам, джунгарские миссии привозили товары, которые отдельно стоили 80 тысяч в 1743 г. и 300 тыс. серебряных лянов в 1747 г. [Циндай Цзюньцзичу..., 2010, с. 5]. Если рассматривать в целом посещения джунгарскими паломниками всех монастырей и весь объем совершаемых ими подношений, то основная доля подношений была представлена золотом и серебряными лянами, которые обычно приобретались в Дункээре в обмен на меха и другие товары, и поэто-

⁷ В отечественном академическом востоковедении термин впервые введен академиком В. В. Бартольд [Бартольд, 1968, с. 539]. Отечественный специалист по Джунгарскому ханству В. А. Моисеев также прибегал к использованию данного словосочетания [Моисеев, 1991, с. 3]. В современной японской и западной историографии в такой форме стал применяться благодаря исследованиям Дзюнко Мияваки, чья монография так и называлась «Последняя кочевая империя» [Гунсе Чуньцзы (Мияваки Дзюнко), 2005].

му можно судить, что торговля была важной частью мероприятий *манча*. Если верить докладу Юй Бао за 10-й месяц 12-го года правления эпохи Цяньлун (1747 г.), то во время третьего джунгарского *манча* было заявлено о наличии товаров в размере 300 тыс. лян: проданных «беличьих шкурок 16 840 ед., волчьих шкур — 5696 ед., мерлушек — 89 352 ед.» [Циндай Цзюньцзичу..., 2010, с. 5], что говорит о впечатляющих оборотах торговли.

Манча была призвана удовлетворять не только духовные потребности паломников, но и решать экономические (торговля на рынке в Дункээре) и политические (сбор сведений и установление контактов с проджунгарскими хошутами и тибетцами) задачи. Поэтому для эффективной реализации джунгарских *манча* ойратским властям в Джунгарии требовалось привлечение различных этнических групп, занятых в разных хозяйственно-культурных сферах деятельности, подконтрольных Джунгарскому ханству. Так, группа людей, специализирующаяся на торговых операциях от имени джунгарских властей за пределами Джунгарского ханства, именовалась в ойратских и маньчжурских источниках «бедергэ»; считается, что изначально такие люди именовались *bāzargān*, что отмечено в персоязычном “Tadhkira-ikhwājagān” [Кукеев, 2022, с. 544; Ли, 2009, с. 109]. *Бедергэ* были тюркоязычными выходцами из оазисов мусульманского Алтышара — Кашгара, Яркенда, Андижана, однако постоянно проживали в политическом центре Джунгарского ханства — Или. Современные исследования знакомят нас с тем, что прослойка *бедергэ* была отнесена к одной из административно-хозяйственных единиц Джунгарского ханства, именуемой *отог Бедергэ* [Чэн, 2014, с. 153], то же самое сообщается и в китайском «Циньдин Пиндин Чжуньгаэр фанлюэ» 欽定平定準噶爾方略 («Высочайше утвержденное [описание] методов и тактики усмирения джунгар»)⁸. Что касается места их пребывания, то авторский коллектив «Чжуньгаэр шилуэ» 准噶尔史略 («Очерки по истории джунгаров») привязывает *бедергэ* лишь к одной территории — Или [Чжуньгаэр шилуэ, 2007, с. 145], я предполагаю, что они по образу жизни являлись номадами, ибо кочевали вместе с ойратами, о чем сообщил русским властям в Сибири «бухарец Адам Хози-Кельды», который, будучи современником событий, проживал в кочевье *бедергэ*, коих в Или кочевало 1100 юрт [Потанин, 1868]. Этот *отог* принадлежал непосредственно джунгарскому правителю. Не всегда, но иногда *бедергэ* возглавляли и миссии *манча* — третью миссию *манча* 1747 г. возглавлял *бедергэ* Махмуд [Perdue, 2015, p. 15]. Так как *бедергэ* были мусульманами, они не были заинтересованы в удовлетворении духовно-религиозных целей паломничества, но выполняли торговые функции в джунгарских миссиях *манча*.

Получается, что джунгарское *манча* являлось санкционированным кочевым государством мероприятием с привлечением тюркских *бедергэ*, китайской валюты (серебряные ляны) и продукции алтайских и тьяньшаньских данников.

⁸ Надо отметить, что «Циньдин хуан-юй Сиюй тучжи» 欽定皇輿西域圖誌 («Августейшим правителем высочайше утвержденное описание Западного края с картами») не упоминает о таком *отоге* в составе Джунгарского ханства.

Маршруты паломнических миссий *манча*

Исследователями уже делались попытки определить маршрут, по которым шли паломнические миссии из Или, политического центра Джунгарии, расположенного в долине р. Или, в Тибет⁹. Паломники чаще всего предпочитали маршрут через Кукунор, который соединял Джунгарию с Тибетом через современный восточный Синьцзян и район Кукунора. Этот маршрут (известный в маньчжурских материалах как *Ахаяэ*) состоял из двух ответвлений: первое, юго-западное, шло через р. Или, р. Кунгес, Зултус (Юлдуз), р. Хайду, оз. Бостен, р. Тарим, Газ, Цайдамскую котловину (с западной стороны), Булунгир (к югу от Циляна) и Кукунор. По нему шли войска Гуши-хана в 1636–1637 гг., Зая-Пандита со своей свитой в 1662 г., калмыцкий Арабджур в 1704 г., джунгарская миссия *манча* в 1741 г. [Shim, 2020, р. 63]. Надо отметить, что эта миссия далее должна была двигаться по р. Солому, но не сделала этого, поскольку, изменив своим изначальным планам, вернулась в Джунгарию.

Второй маршрут (именуемый *Тенгри-нур*) шел северо-восточнее — через Бороталу, гору Эрэн-хабирга, Урумчи, Барколь, Хами, пустыню к югу от Хами, Булунгир (к северу от Циляна), Сэртэнг, Цайдамскую котловину (с северной стороны) и Кукунор. Этот маршрут использовали Зая-Пандита, а также Зайсан Балбаачи в 1650–1651 гг. и ученики Зая-Пандиты в 1669–1671 гг., вторая и третья джунгарская миссия *манча* 1743 г. Более детально в 1743 г. их путь пролегал следующим образом: Тарим — Гас — Хаджир — Хадан-хошуу — Уртумёрун — Дункээр — Хадан-хошуу — Хара-усу — Лхаса [Perdue, 2015, р. 15; Shim, 2020, р. 64]. Во время третьей джунгарской миссии *манча* в 1747 г. джунгары вели торговлю не в Дункээре, а в Дэбтэре, и затем направились в Лхасу через перевал Хашиха, гору Баян-хара, реку Муруи-усу, Хара-усу, Тенгри-нур, Дам и Янгпачен [Shim, 2020, р. 65].

Для кочевого джунгарского государства миссии обеспечивали ценные связи с религиозными учреждениями Гелуг в Лхасе и за ее пределами, возможность собирать информацию о других ойратских и монгольских племенах по пути следования и шанс получить прибыль от продажи продуктов степи китайским и тибетским купцам. Кроме того, *манча* были тем инструментом, который предоставлял идеологическое обоснование единства джунгарского и тибетского этнополитических организмов.

Паломнические миссии *манча* для представителей цинской власти и во время цинской инкорпорации Кукунора

В глазах Цин *манча* представлялась важной частью торгово-политических отношений с джунгарами наряду с так называемыми данническими миссиями, когда ойратам Джунгарии было позволено вести торговлю в Сучжоу и Пекине. Поскольку традиционный миропорядок китайских источников состоит из

⁹ В этой публикации не будет рассматриваться маршрут паломнической миссии *манча* калмыцкого правителя Цэрен-Дондруба 1732 г. с берегов Волги через Пекин в Тибет, поскольку он не был традиционным путем, являясь исключением из правил, поскольку был вызван временными осложнениями между Джунгарским и Калмыцком ханством. О калмыцкой миссии *манча* 1732 г. см. [Ван, 2009; У-юнь-би-ли-гэ, 2015].

феноменов, которые не соответствуют ни центральноазиатским понятиям того времени, ни современным терминам, то вкратце рассмотрим, что понималось под даннической системой в Китае, в маньчжурской Цин и в джунгаро-тибето-цинских отношениях.

Для понимания термина «данническая система» надо отметить, что маньчжурская элита, подчинив своей власти «конфуцианский» Китай, была вовлечена в необходимость частичного применения мировоззренческих основ китайского миропорядка того времени как в дипломатии, так и в историографии. В соответствии с ним, Китай представлялся центром вселенной, а правитель — Сыном Неба, который распространял свое благотворное влияние непосредственно на подданных и даже на отдаленных «варваров». Дихотомия «Китай — варвары» обозначалась словосочетанием «Хуа-И» 華夷, т.е. мир, состоящий из цивилизованного Китая и нецивилизованных варваров [Мартынов, 1978, с. 37]. Соответственно, отношению маньчжурского правителя империи Цин, в состав которой входил Китай, с некитайскими народами были окрашены этой концепцией китаецентризма и понятием о китайском превосходстве (маньчжурский император, естественно, в данном контексте воспринимался как лидер этого «китайского мира» — не становясь китайцем).

В теории китайского миропорядка все некитайские государства и народы должны были быть данниками Сына Неба [Fairbank, 1968, p. 2]. Одной из характерных черт этой традиции было сохранение теории китаецентризма за счет постоянного использования китаецентрической терминологии, что проявлялось во всех аспектах даннической системы, которая в действительности сохранялась частично и только лишь посредством использования соответствующей терминологии во времена правления маньчжурской Цин. Так, внешние государства, если они вступали в контакт с империей Цин, должны были делать это в качестве данников. Таким образом, их право на торговлю в Цин должно было рассматриваться как благодеяние, дарованное их правителю императором, и в обязательном порядке сопровождаться формальностями предоставления дани посредством прибытия посольства в Пекин. Формально экономические отношения могли быть разрешены только в этих политических, квази-дипломатических рамках.

Тем не менее, даже если чужеземец фактически и не соблюдал формальностей поднесения дани, к нему все-равно применялась в китайских письменных материалах классическая терминология описания данников [Fairbank, 1968, p. 4]. Не были исключением ойраты, русские и тибетцы, которые в цинских материалах представлены «данниками». В китайской имперской практике торговые отношения с внешними государственными образованиями были проверенным временем методом «смягчения» (懷柔 хуайжоу) жестоких варваров. История этой методики велась с тех пор, как император Сюань-ди империи Хань, используя «пять искушений» (одежда, еда, музыка, здания и подарки), привел к подчинению конфедерацию сюнну, которой правил шаньюй Хухань [Камалов, 2017, с. 60; Крадин, 2001, с. 111–112]. Тогда же отношения между кочевыми сюнну и оседлой Хань были оформлены в систему «даннических отношений» [Крадин, 2001, с. 126].

В глазах китайской мироустроительной модели с ее контекстом взаимоотношений с кочевниками (а именно с джунгарами) в интересующий нас период такие отношения укладывались в политику *цзими* 羈縻 (дословно: «держат в узде, направляя браздами») ¹⁰, когда ставилась цель привязки джунгарской знати с внутренними землям Китая выгодными торговыми связями, что могло бы сделать их менее склонными к нападениям на цинскую границу. Пограничная торговля была, таким образом, делом «национальной безопасности», которой должны оказывать помощь все части империи, даже с учетом того, что экономическая прибыль была небольшой.

Таким образом, джунгарское «представление дани» или паломнические мероприятия *манча*, дающие ограниченную коммерческую прибыль, находившиеся под строгим надзором цинских властей с контролируемым доступом ойратов к тибетским монастырям и ойратским племенам Кукунора, призваны были в теории привести джунгаров сначала к «смягчению», а затем к подчинению. По факту же для Цин торговля с джунгарами в рамках *манча* позволяла императору проверять мирные намерения опасного кочевого государства и собирать информацию о нем, вместе с тем изображая из себя доброжелательного сторонника тибетского буддизма, покровителем которого выступал цинский правитель. Деятельность джунгарских «даннических» миссий и мероприятий *манча* сразу же была прекращена, когда Цин, осознав свое военное преимущество и воспользовавшись династийным спором о престолонаследии джунгар, вернулись к своей основной стратегической цели — положить конец джунгарскому государству, в которой они и преуспели к 1755 г. [Perdue, 2015, p. 2].

После джунгарских вторжений в Тибет в 1717 г. и во время деятельности джунгарских паломнических миссий *манча* цинские власти стали обустроить на Кукуноре так называемые *каруны*. Цинские *каруны* представляли собой сеть небольших оседлых гарнизонов-пикетов, солдаты которых обязаны были осуществлять патрулирование пограничных районов, предотвращать неожиданные вторжения на пастбища со стороны неподконтрольных цинским властям народов, подавлять внутренние потрясения. Так, первая миссия *манча* под контролем цинских властей была связана с проведением поминальных служб в честь Панчен-ламы, умершего в 1737 г., после того как в 1740 г. был определен его преемник. Гисан, маньчжурский генерал Красного знамени, прибыл в Лхасу в 1739 г., в его обязанности входило договориться с Полханасом о сопровождении джунгарской миссии во главе с Монгол Чимедом. Эта миссия стала причиной возведения новых цинских *карунов* на Кукуноре. Так, Гисан обсудил с императором меры безопасности и создание постов охраны (*карун*) для наблюдения за паломниками [Perdue, 2015, p. 6]. К моменту сворачивания джунгарских *манча* в Тибете, к 1750 г., цинские власти уже учредили 5 *карунов* по пути следования паломнических миссий через Кукунор: *каруны* Хаджир-дэбтэр, Джунгга-римар и Номхон располагались на северо-восточном маршруте Ахаяг, пролежавшем через Газ, а два *каруна* Муси-джерген и Сэнгэ-оджо на юго-западном маршруте Тенгри-нур, пролежавшем через Цайдам. В каждом

¹⁰ О *цзими* разных эпох в Китае в различных переводах на русский язык см.: [Кроль, 1987; Кычанов, 2010, с. 35; Попова, 1999, с. 188].

каруне располагалась сотня солдат под командованием командира. Впоследствии количество карунов увеличилось [Shim, 2020, p. 80].

Так как цинские власти опасались джунгарских провокаций в Тибете, деятельность джунгарских *манча* предоставила им стимул развивать систему сбора данных о джунгарах как на месте, так и через отдаленный Ладакх [Кун, 2018]. Дело в том, что представители цинских властей во время сопровождения джунгарских *манча* в 1741 г. получили информацию о широких связях джунгар с удаленными от Цин народами. Например, став маньчжурским амбанем в Лхасе, вышеупомянутый Гисан узнал, что джунгары отправили торговую миссию в Ладакх через Яркенд и участвовали в споре по поводу титула Ладакхского хана. В то же время джунгары воевали с казахами, и в отчетах утверждалось, что на войну ушло более 6 тысяч человек [Perdue, 2015, p. 8]. Как видно, цинские власти в этом отношении также не отставали от джунгар, и к тому же установили достоверные разведывательные сети по сбору информации о джунгарах в Ладакхе, получая сведения от правителей Ладакха.

Правители Ладакха регулярно собирали информацию от своих купцов и шпионов, странствующих между Кашмиром и Яркендом, который на тот момент входил в состав Джунгарского ханства. После сбора информации от них правители Ладакха отправляли письма в тибетский Нгари. Здесь местные власти переправляли почту в Лхасу, где переводчики тибетских калонов переводили ладакхские письма на монгольский язык, передавая их маньчжурским амбаням в Лхасе. В итоге амбани переводили информацию с монгольского на маньчжурский и докладывали императору, отправляя секретные доклады на маньчжурском языке вместе с оригиналами ладакхских писем к цинскому двору [Кун, 2019, с. 115]. Немало информации империя Цин получала и от вернувшихся из Джунгарии в Тибет тибетских лам, которые сообщали о джунгарских делах в Средней Азии [Perdue, 2015, p. 13–14].

После уничтожения Джунгарского ханства в середине XVIII в. паломнические миссии *манча* продолжали прибывать на Кукунор и в Тибет уже в очень уменьшенном составе [Ча Цзя-и, 1988, с. 42–47]. Маленькие группы менее чем в составе десяти человек не нуждались в специальных разрешениях, и центральное правительство Цин все еще позволяло представителям хошутов и торгутов реализовывать миссии *манча*, чтобы воздать должное буддийским ламам. Большинство этих миссий тогда уже были организованы ламами, а не представителями светской знати, как это было в период господства кочевников в Центральной Азии.

Заключение

По данным имеющихся источников, паломнические миссии *манча* в Кукунор-Тибетском регионе выполняли несколько различных функций. Джунгарские паломнические миссии в Тибет, известные в цинских материалах как *манча*, или *аоча*, играли немаловажную роль в джунгаро-тибетских, а затем и в цинско-джунгарских отношениях. Они служили и торговым механизмом, и выступали в качестве важного элемента идеологической составляющей в единстве предполагаемой джунгаро-тибетской конструкции в доцинский

период, а после инкорпорации региона в Цин стали служить новым властям инструментом для сбора информации и разведки, а следовательно — и для повышения обороноспособности. Благодаря феномену *манча* цинско-ойратские взаимодействия длительное время могли развиваться в мирном ключе. Проведение *манча* джунгарами было окончательно сведено на нет цинскими властями в середине XVIII в. За этим вскоре последовало и уничтожение самого Джунгарского ханства, что окончательно ознаменовало победу оседло-земледельческой ойкумены над кочевым миром.

Список литературы / References

1. Бартольд В. В. Калмыки. В: Бартольд В. В. *Сочинения*. В 9 т. Т. 5. М.: Восточная литература, 1968. С. 538–540 [Bartold V. V. The Kalmyks. In: Bartold V. V. *The Essays*. In 9 vols. Vol. 5. Moscow: Vostochnaya literatura, 1968, pp. 538–540 (in Russian)].
2. Бородаев В. Б., Контев А. В. *Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг. Документальная монография*. Барнаул: АлтГПУ, 2015 [Borodaev V. B., Kontev A. V. *The Formation of Russian State Border in Irtysh-Yenisei interfluve in 1620–1720. Documentary Monograph*. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta, 2015 (in Russian)].
3. Ван Ли (王力). Фуэрцзя хэ люй-юй Туэрхутэ-мэнгу цзинь Цзан чаобай ходун каошу. 伏尔加河流域土尔扈特蒙古进藏朝拜活动考述 (Заметки о паломнической деятельности при вступлении в Тибет торгут-монголов [из] р. Волги). Сиюй яньцзю. 2009 № 2. С. 28–36 (на кит. яз.) [Wang Li. Fuerjia he liu-yu Tuerhute menggu jin Zang chaobai huodong kaoshu (Notes on the pilgrimage activity of the Torghut-Mongols [from] Volga river in their visit into Tibet). Xiyu Yanjiu. 2009. No. 2, pp. 28–36 (in Chinese)].
4. Гунсе Чуньцзы (宫肋淳子, Мияваки Дзюнко). *Цзуйхоу ды юму диго*. 最后游牧帝国 (Последняя кочевая империя). Хух-Хото: Нэймэнгу жэньмин чубаньшэ, 2005 (на кит. яз.) [Miyawaki Junko. *Zuihou de youmu diguo (The Last Nomadic Empire)*. Huh-Hoto: Neimenggu chubanshe, 2005 (in Chinese)].
5. Да-ли-чжа-бу (达力扎布). Люэлунь шилюй-эрши шицзи мэньгу «цзиньцзан аоча». 略论 16–20 世纪蒙古“进藏熬茶” (О посещении Тибета и осуществлении мероприятий «манча» монголами в XVI–XX вв.). *Циндай мэньгу ши лунь-гао*. 清代蒙古史论稿. (Очерки по истории монголов при династии Цин). Пекин: Миньцзу чубаньшэ, 2015. С. 381–419 (на кит. яз.) [Da-li-zha-bu. Luelun 16–20 shiji menggu “jin Zang aocha” (On “Visit to Tibet and the Implementation of Mancha Activities” by the Mongols in the 16th–20th Centuries). *Qingdai Menggu shi lungao (Essays on the History of the Mongols under the Qing Dynasty)*. Beijing: Minzu Chubanshe, 2015, pp. 381–419 (in Chinese)].
6. Дробышев Ю. И. «Инцидент Туму» и его герои в свете представлений о сакральном характере верховной власти. *Восток (Oriens)*. 2014. № 5. С. 5–24 [Drobyshev Yu. I. “The Tumu Incident” and Its Heroes in the Light of Ideas about the Sacred Nature of the Supreme Power. *Vostok (Oriens)*. 2014. No. 5, pp. 5–24 (in Russian)].

7. Златкин И. Я. *История Джунгарского ханства (1635–1758)*. 2-е изд. М.: Наука, 1983 [Zlatkin I. Ya. *The History of Zunghar Khanate (1635–1758)*. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1983 (in Russian)].
8. Камалов А. К. *Тюрки и иранцы в Танской империи*. Алматы: Мир, 2017 [Kamalov A. K. *Turks and Iranians in the Tang Empire*. Almaty: Mir, 2018 (in Russian)].
9. Крадин Н. Н. *Империя хунну*. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Логос, 2001 [Kradin N. N. *The Hsiung-nu Empire*. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Logos, 2001 (in Russian)].
10. Кроль Ю. Л. Ханьская концепция «слабого руководства» варварами (цзи ми). *Общество и государство в Китае. Материалы XVIII научной конференции*. Ч. I. М.: Наука, 1987. С. 77–84 [Krol' Yu. L. The Han concept of "Weak Governance" of the Barbarians (Ji Mi). *State and Society in China. The Proceedings of the 18th scientific conference*. Part 1. Moscow: Nauka, 1987, pp. 77–89 (in Russian)].
11. Кукеев Д. Г. Цинский регионализм на пограничье Центральной Азии во второй половине XVIII в.: влияние джунгарского наследия. *Вестник СПбГУ Востоковедение и африканистика*. 2022. № 3. С. 541–557 [Kukeev D. G. Qing Regionalism at Central Asian Borderlands in the Second Half of 18th Century: the Influence of Zunghar Legacy. *Bulletin of St. Petersburg State University. Oriental and African studies*. 2022. No. 3, pp. 541–557 (in Russian)].
12. Кун Линвэй (孔令伟). 1724–1768 няньцзянь Ладакэ, Сицзан юй Цинтин цзяньды Оу-Я цинбаован — и Циндай Чжунго дуй Мо-во-эр диго ды жэньши циюань вэй хэсинь. 1724–1768 年间拉达克、西藏与清廷间的欧亚情报网 — 以清代中国对莫卧儿帝国的认识起源为核心 (Евразийская сеть по сбору сведений в Ладакхе, Тибете и Цин за 1724–1768 гг.: особое внимание на генезисе понимания Китаем эпохи Цин империи Великих Моголов. 1724–1768) *Цинши няньцзю*. 2018. № 2. С. 27–48 (на кит. яз.) [Kong Lingwei. 1724–1768 nianjian Ladake, Xizang yu Qingting jiande Ou-ya qingbaowang — yi Qingdai Zhongguo dui Mowoer diguo de renshi wei hexin (Eurasian network for collecting information in Ladakh, Tibet and Qing in 1724–1764: focus on the origin of China's understanding of the Mughal Empire in the Qing Dynasty). *Qingshi yanjiu*. 2018. No. 2, pp. 27–48 (in Chinese)].
13. Кун Линвэй (孔令伟). Ладакэ юй Цинтин цинбао вэньшуды чуань-и гочэн. 拉达克与清廷情报文书的传译过程 (Процесс вторичного перевода материалов ладакской разведки при цинском дворе.). *Чжунго цзансюэ*. 2019. № 3. С. 114–124 (на кит. яз.) [Kong Lingwei. Ladake yu Qingting qingbao wenshude chuanguyi guocheng (The process of secondary translation of Ladakh-Qing intelligence materials). *Zhongguo Zangxue*. 2019. No. 3, pp. 114–124 (in Chinese)].
14. Кычанов Е. И. *История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров)*. 2-е изд., испр и доп. СПб: Петербургское лингвистическое общество, 2010 [Kuchanov E. I. *The History of the Ancient and Medieval States adjacent to China (from the Huns to the Manchu)*. 2nd ed., rev. and suppl. St. Petersburg: Linguistic Society of St. Petersburg, 2010 (in Russian)].

15. Ли Баовэнь (李保文). «Бодээргэ» каои. “伯德爾格”考釋 (Исследование о «бедерге»). *Сиюй яньцзю*. 2009. № 3. С. 109–113 (на кит. яз.) [Li Baowen. “Bodeerge” kaoyi (Study of Bederge). *Xiyu yanjiu (The Western Regions Studies)*. 2009. No. 3, pp. 109–113 (in Chinese)].
16. Мартынов А. С. *Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений*. М.: Наука, 1978 [Martynov A. S. *Status of Tibet in the 17th — 18th Centuries in the Traditional Chinese System of Political Ideas*. Moscow: Nauka, 1978 (in Russian)].
17. Моисеев В. А. *Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв)*. Алма-Ата: Гылым, 1991 [Moiseev V. A. *Zunghar Khanate and Kazakhs (17th — 18th Centuries)*. Alma-Ata: Gylym, 1991 (in Russian)].
18. Норбо Ш. *Зая-пандита (Материалы к биографии)*. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. [Norbo Sh. *Zaya-pandita. The Materials to the Biography*. Elista: Kalmytzkoe knizhnoye izdatel'stvo, 1999 (in Russian)].
19. Попова И. Ф. *Политическая практика и идеология раннетанского Китая*. М.: Наука, 1999 [Popova I. F. *Political Practice and Ideology of Early Tang China*. Moscow: Nauka, 1999 (in Russian)].
20. Потанин Г. Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVII столетии. *Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете*. Кн. II. М.: Университетская типография (Катков и Ко), 1868. С. 21–113. [Potanin G. N. On the caravan trade with Zungharian Bukharia in the 18th century. *Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University*. Book II. Moscow: Printing house of Moscow University (Katkov and Ko.), 1868, pp. 21–113 (in Russian)].
21. Раднабхадра. *Лунный свет. История рабджем Зая-пандиты*. Факсимиле рукописи. Пер. с ойратского Г. Н. Румянцева и А. Г. Сазыкина; транслит, предисл., примеч. и указ. А. Г. Сазыкина. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. [Radnabhadra. *Moonlight. The Story of Rabjamba Zaya-Pandita*. Facsimile of the manuscript. Transl. from Oirat by G. N. Rumbantsev and A. G. Sazykin. Saint-Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 1999 (in Russian)].
22. У-юнь-би-ли-гэ (乌云毕力格). Туэрхутэ хань юй Сицзан гуаньси (1643–1732) — и Цзюньцзичу маньвэнь луфу данцицзай вэй чжунсин. 土尔扈特汗廷与西藏关系 (1643–1732) — 以军机处满文录副档记载为中心 (Отношения торгутского хана и Тибета — на основе маньчжуроязычных копий [луфу] архивных [материалов] Военного совета [Цзюньцзичу]). *Сиюй яньцзю*. 2015. № 1. С. 22–33 (на кит. яз.) [Wu-yun Bi-li-ge. Tuerhute hanting yu Xizang guanxi (1643–1732) — yi Junjichu manwen lufu dangjizai wei zhongxin. (The Relations between the Torgut Khan and Tibet (1643–1732) — based on Manchu-language copies [lufu] of archival [materials] of the Grand Council [Junjichu]). *Xiyu yanjiu (The Western Regions Studies)*. 2015. No. 1, pp. 22–33 (in Chinese)].
23. Цин шилу Чжуньгаэр шиляо чжайбянь. 清实录“准噶尔”史料摘编 (Сборник документов о джунгарах из «Правдивых записок [династии] Цин»). Урумчи: Синьцзян жэньмин чубаньшэ, 1987 (на кит. яз.) [Qing shilu Zhungaer shiliao zhaibian (The Collection of documents about the Zunghars from the “Veritable

- Records of the Qing [dynasty]”). Urumqi: Xinjiang Renmin Chubanshe, 1987 (in Chinese)].*
24. Циндай Цзюньцзичу Маньвэнь Аочадан. 清代军机处满文熬茶档 (Маньчжурский архив цинского Военного совета (Цзюньцзичу) [в связи с мероприятиями] «манча»). В 2-х т. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2010 (на кит. яз.) [*Qingdai Junjichu Manwen aochadang (Qing Grand Council Manchu archives on “Man-cha”).* Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 2010 (in Chinese)].
 25. Цыбиков Г. Д. *Избранные труды*. В 2 т. 2-е изд., перераб. Т. 1: *Буддист-паломник у святынь Тибета*. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1991 [Tsybikov G. D. *Selected works*. In 2 vols. Second ed., revised. Vol. 1: *Buddhist pilgrim at the shrines of Tibet*. Novosibirsk: Nauka. Siberian branch, 1991 (in Russian)].
 26. Ча Цзя-и (察家艺). Мэнгу цзиньцзан аоча цян-и. 蒙古进藏熬茶浅议 (Обзор мероприятий «манча» при посещении Тибета [совершенных] монголами). *Сибэй шиди*. 1988. № 1. С. 98–106 (на кит. яз.) [Cha Jiayi. Menggu jinZang aocha qian-yi (An overview of the “mancha” activities during visit to Tibet by the Mongols). *Xibei shidi (History and Geography of North-West [of China])*. 1988. No. 1, pp. 98–106 (in Chinese)].
 27. Чжуньгаэр шилюэ. 准葛尔史略 (Очерки по истории джунгаров). Гуйлинь: гуанси шифань дасюэ чубаньшэ, 2007 (на кит. яз.) [*Zhungaer shilue (Essays on the history of the Zunghar)*. Guilin: Guanxi shifan daxue chubanshe, 2007 (in Chinese)].
 28. Чэн Чжи. 承志 (Kicengge). Шиба шицзи Чжуньгаэр шилюэ да э-то-кэ и и-цзянь маньвэнь цзоучжэ вэй чжунсин. 十八世纪准噶尔十六大鄂拓克-以一件满文奏折为中心 (Шестнадцать больших отогов Джунгарии в XVIII веке — в фокусе изучения один документ «цзоу чжэ» на маньчжурском языке). *Мань-мэн дангань юй мэнгу ши яньцзю*. 满蒙档案与蒙古史研究 (Маньчжурские и монгольские архивы и изучение истории монголов). Шанхай [б.и.], 2014. С. 137–204 (на кит. яз.) [Kicengge. Shiba shiji Zhungaer shiliu da e-to-ke — yi yijian manwen zouche wei zhongxing (Sixteen Large Zungharian Ootogs in the 18th century — in focus one Manchu document “Zou Zhe”). *Man-meng dan’an yu mengu shi yanju (Manchu and Mongolian archives and the study of the history of the Mongols)*. Shanghai [w.p.], 2014, pp. 137–204 (in Chinese)].
 29. Bormanshinov A. Kalmyk Pilgrims to Tibet and Mongolia. *Central Asiatic Journal*. 1998. No. 1, pp. 1–23.
 30. Di Cosmo N. Qing Colonial Administration in Inner Asia. *The International History Review*. 1998. No. 2, pp. 287–309.
 31. Fairbank J. K. A Preliminary Framework. In: Fairbank J. K. *The Chinese World Order: Traditional China’s Foreign Relations*. Second ed. Harvard University Press, 1968, pp. 1–10.
 32. Kung Ling-Wei. The Transformation of the Qing’s Geopolitics: Power Transitions between Tibetan Buddhist Monasteries in Amdo, 1644–1795. *Revue d’Etudes Tibétaines*. 2018. No. 4, pp. 110–144.
 33. Miyawaki J. The Birth of the Oyirad Khanship. *Central Asiatic Journal*. 1997. No. 1, pp. 38–75.

34. Oyunbilig Bo. The Hoshuud Polity in Khokhnuur. *Inner Asia*. 2002. No. 2, pp. 181–196.
35. Perdue P. C. *China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia*. Cambridge (Mass.) — London: Belknap press of Harvard univ. press, 2005.
36. Perdue P. C. Tea, Cloth, and Religion: Manchu Sources on Trade Missions from Mongolia to Tibet. *Late Imperial China*. 2015. No. 2, pp. 1–22.
37. Shim Hosung. The Zunghar Conquest of Central Tibet and Its Influence on Tibetan Military Institutions in the 18th Century. *Revue d'Etudes Tibetaines*. 2020. No. 53, pp. 56–113.
38. Wang Xinyang. *The Tibet-Dzungar Ideological Alliance's Challenge to the Qing Empire and the Adaptation of Qing Ideology in the mid-18th Century*. MA thesis. Uppsala: Uppsala University, 2021.

Информация об авторах

Кукеев Дорджи Геннадьевич — кандидат исторических наук, доцент Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова. Элиста, Россия, kukeevd@list.ru.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 10.05.2023; одобрена рецензентами 21.05.2023; принята к публикации 25.05.2023; опубликована 30.06.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Dordzhi G. Kukeev — Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor of Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov. Elista, Russia, kukeevd@list.ru.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 10.05.2023; approved after reviewing 21.05.2023; accepted for publication 25.05.2023; published 30.06.2023.

The author has read and approved the final manuscript.